

Глава 1. Бессмертный Цимин трижды спасает ученика

Стоило залу Чайного терема Юэча заполниться гостями, как местный сказитель неизменно заводил излюбленную историю о том, как в эпоху Минде господин Цимин среди бела дня свалился прямо с небес.

В те годы северные рубежи содрогались от яростных войн — царства Ли и Хэн сошлись в беспощадной сече. И вот в час Змеи небесный свод вдруг раскололся ослепительной вспышкой, и на глазах у изумленного войска из заоблачной выси рухнул даос в белоснежном одеянии, угодив прямоком в стог сена. Решив, что это коварное покушение врагов, растерявшиеся воины тут же пронзили его грудь клинками. Вот только бессмертный мало того что не соизволил умереть, так еще и поднялся как ни в чем не бывало. Похлопав себя по бокам, он преспокойно оседлал простенький деревянный меч и умчался прочь, бросив на прощание, что опаздывает на Великое собрание боевых искусств.

Звали этого чудака Сун Цимин. Позже он примкнул к ордену Цисинь, став третьим учеником бессмертного Лу Чэнхуа. Поначалу Цимин не смыслил ни в тайных техниках, ни в искусстве меча, из-за чего отпрыски других кланов без устали зубоскалили за его спиной, называя третьего преемника Бессмертного Лу никчемным слабаком.

Но стоило ему явиться на гору Пурпурной яшмы, где проходило Великое собрание, как первым же делом он умудрился разнести в щепки огромную железную статую самого Патриарха Фоти. Несколько тысяч собравшихся заклинателей едва не лишились дара речи от подобной наглости. Оскорбленные до глубины души попранием святынь и пренебрежением к устоям, они в один голос потребовали жестоко покарать безумца, грозя обнажить фамильные клинки и снести ему голову.

В то время как его соученики едва не посходили с ума от страха, старик Лу лишь безмятежно улыбнулся в усы:

— Раз уж так вышло, устройте с ним поединок. Будет моему непутевому ученику хорошим уроком.

Когда озадаченный Сун Цимин шепотом спросил наставника, не слишком ли жестоко тот с ним поступает, старик погладил бороду и хитро прищурился:

— Ты так долго прятал свои козыри в рукаве. Не пора ли наконец показать их миру?

Выйдя на арену против двоих именитых соперников, Цимин поначалу искусно притворялся, будто едва сдерживает натиск их клинков. Эта комедия продолжалась ровно до тех пор, пока бессмертный Сун не наступил левой ногой в свежую кучу собачьего дерьма. Его оглушительный вопль рикошетом разнесся по всей долине:

— Твою ж мать!!!

Позабыв о всяком приличии и самом поединке, он с такой силой топнул ногой от злости, что хлынувшая во все стороны духовная энергия в мгновение ока смела обоих противников с помоста, швырнув их прямо на трибуны.

Присутствующие старейшины и их преемники застыли, вытаращив глаза. Никто и помыслить не мог, что этот парень обладает столь колоссальной мощью. Один из почтенных патриархов даже обратился к Лу Чэнхуа с серьезным лицом:

— Бессмертный Лу, а что за дивную мантру «Твою ж мать» сейчас сотворил ваш третий ученик? Из какого она тайного свитка? Звучит на редкость непривычно, но сила в ней воистину сокрушительная.

До того дня весь заклинательский мир считал его безнадежной посредственностью, но после собрания по Поднебесной поползли бурные слухи: господин Сун Цимин в одиночку сокрушил сильнейших мастеров, а его загадочное заклинание — несомненно, утерянное древнее писание небывалой мощи.

В итоге последующие два года каждый встречный норовил выведать у Цимина, какому древнему божеству или бессмертному принадлежит секретная техника резкого укрепления духа. В конце концов, устав от назойливых расспросов, Сун Цимин начал просто переводить стрелки на своего учителя:

— Вы посмотрите, у кого я прохожу обучение. Вот у него и спрашивайте!

Так что теперь от любопытных глупцов страдали уши исключительно старика Лу.

В начале следующей весны Сун Цимин спас маленькую девочку по прозвищу А-Я. Крошка носила фамилию Цзян, но имени у нее не было. Война на северных границах принесла ее семье лишь горе: во время панического бегства обезумевшая толпа насмерть растоптала ее младшего брата-младенца, старшую сестру утащили в лагерь вражеские солдаты, а отчаявшиеся родители решили покончить с собой вместе с маленькой А-Я. Цимин вытащил их из петли в самый последний момент. Девочка была настолько истощена и слаба, что из-за потрескавшихся, кровоточащих губ не могла даже сделать глоток воды. Сун Цимин бережно выхаживал ее несколько дней, а после привел в орден Цисинь, доверив заботу о ней Старика Лу.

Стоило старшим братьям увидеть очаровательную малышку, как они тут же принялись наперебой опекать ее, превратив в любимицу всего ордена. Теперь А-Я обрела настоящее имя — Цзян Шэюэ. Она официально преклонила колени перед Лу Чэнхуа и стала пятой младшей сестрой Сун Цимина.

Младшая сестренка росла на редкость добросердечной. Однажды у подножия горы она подобрала едва живого старика. В тот же миг в голове Цимина раздался механический голос Системы, предупредивший, что спасенный — не кто иной, как родной отец главного героя.

Потрепав девочку по макушке в знак одобрения, он отдал ей две купленные по дороге связки засахаренных ягод, после чего мысленно обратился к своему незримому проводнику.

«И где этот герой? Все еще ползает в пеленках?»

[Система долго молчала, прежде чем ответить: «Главному герою уже исполнилось десять лет».]

Отец главного героя исходил слезами благодарности за спасение своей жизни и божился, что расшибется в лепешку, если благодетелям когда-нибудь понадобится помощь. Сун Цимин, не теряя времени, тут же расставил на него хитрые сети: мягко намекнул, что когда мальчик подрастет, его стоит отправить в орден Цисинь на обучение. Мужчина, едва услышав такое щедрое предложение, рухнул на колени и принялся неистово бить поклоны:

— То, что мой глупый сын удостоился внимания столь великого бессмертного — величайшее благословение для нашего рода! Клянусь, я сделаю все, как вы велите!

По правде говоря, изначально Система перенесла душу Сун Цимина в этот мир, когда будущему главному герою едва исполнилось семь лет. Цимин приготовился к масштабным свершениям, но Система внезапно выдала ошибку: мол, произошел сбой в координатах времени, и сюжетная линия начнется только по достижении героем пятнадцатилетнего возраста. Все эти годы ленивая «буддийская» Система, предпочитавшая плыть по течению, регулярно выслушивала от Сун Цимина тонны отборной брани.

Следующие восемь лет Цимин без устали закрывал мелкие побочные квесты, пока не развил свои духовные силы до абсолютного предела. Несмотря на колоссальное могущество, он вел исключительно затворнический образ жизни и никогда не ввязывался в показательные дуэли ради славы. Впрочем, его имя все равно гремело по всей Поднебесной. О нем слагали легенды, его сундуки ломались от редчайших артефактов, а искусство создания пилюлей достигло столь заоблачных высот, что даже величайшие мастера почитали за честь выменять у него драгоценное снадобье. Три года назад бессмертный Сун внезапно объявил о начале уединенной медитации и полностью исчез из поля зрения. Лишь собратья по ордену Цисинь знали истинную причину: их «затворник» просто укатил путешествовать в свое удовольствие.

И вот наконец главному герою исполнилось пятнадцать. Долгожданный запуск основного сюжета застал Сун Цимина в питейном заведении, где он планировал с комфортом провести вечер за кубком превосходного вина. Не дав ему допить, Система безжалостно зашвырнула его в телепортационную формацию. Перемещение сопровождалось оглушительным ударом молнии, которая расколола землю прямо под его ногами. Когда дым рассеялся, Сун Цимин, пошатываясь и источая легкую гарь, поднялся на ноги. Его внезапно затошнило, и он едва не вернул всё выпитое и съеденное.

Попытавшись перевести дух, он потянулся и раздраженно проворчал:

— Сделай милость, предупреждай в следующий раз хотя бы за минуту!

[Место прибытия: город Фаньчэн. Расстояние до цели — три ли.]

— Понятно, — вздохнул Цимин, ткнув пальцем в растрескавшуюся брусчатку. — Но ты глянь на эту яму. Плитка всмятку! Если сейчас прибежит городская стража, будь добра, объяснись с ними сама. Не улыбается мне опять из-за твоих фокусов в казематах киснуть.

[В рамках основного сюжета вмешательство посторонних лиц временно заблокировано.]

Сун Цимин наконец признал, что в кои-то веки Система повела себя профессионально.

— Тогда будь любезна, измени способ доставки. Меня от твоих бросков наизнанку выворачивает, — проворчал он, с тоской вспоминая оставленный на столе кувшин недопитого вина.

[Это вопрос привычки. Через несколько перемещений симптомы укачивания пройдут сами собой.]

Сун Цимин лишь закатил глаза, закинул деревянный меч на плечо и зашагал вперед.

Фаньчэн

Фаньчэн раскинулся в живописном месте у самого подножия гор, омываемый чистыми речными водами. Истинная обитель благодати и гармонии фэншуй. На здешних улицах всегда бурлила жизнь: шумели рынки, резвилась детвора, а на прилавках можно было найти любые диковины. До ближайших застав великих орденов оставалось чуть больше шестисот ли, так что в небе над городом то и дело мелькали силуэты заклинателей, парящих на своих мечах.

Цимин прошелся взглядом по списку наград, накопленных за выполнение случайных квестов. Лунных камней у него было кот наплакал.

— И на что мне сдались эти жалкие крохи? — хмыкнул он. — Старик Лу в последнее время глаз с меня не спускает. Вот накоплю побольше этих камушков, куплю приличный дом здесь, в Фаньчэне, и гори оно все синим пламенем. Уйду на покой.

[Для приобретения поместья Весны и Осени требуется пятьсот восемьдесят лунных камней. При текущем темпе вам понадобится не менее года.]

— Год? Ну нет, я слишком ленив для этого. Запиши в свои планы года три, — хохотнул Цимин. Он вытащил из кармана сочное дикое яблоко, обтер его о рукав белого халата и с хрустом откусил половину. — Ладно, ты говоришь, что этот малец где-то рядом. Но как мне его искать

без портрета? Семь лет прошло, он мог вырасти во что угодно. Кто он теперь — толстяк, каланча или задохлик какой?

[Пожалуйста, следуйте по указателям направления на интерфейсе.]

Перед его глазами на земле тут же вспыхнули яркие неоновые стрелки.

Стрелки привели его в глухой, тесный переулок на окраине города. Здесь теснились покосившиеся лачуги, а на белой мраморной стене одного из богатых подворий красовалась причудливая роспись, изображающая играющих в воде лисиц. Рядом на земле были небрежно разбросаны высохшие краски. У самого подножия этой стены сидел подросток. Одетый в дырявое рубище, заросший грязью до такой степени, что черт лица было не разобрать, он казался живым мертвецом. На его левой щеке багровел уродливый шрам, спускавшийся к самой шее. Пальцы рук были стерты до костей и кровоточили, а искусанные сухие губы мелко дрожали. Он сидел неподвижно, уставившись в пустоту отрешенным взглядом.

— Этот щенок опять прикидывается дурачком! — раздался грубый выкрик.

Из подворотни вывалилась толпа дюжих слуг. Навалившись гурьбой, они выволокли юношу на залитую ярким солнцем улицу. Резкий свет полоснул по глазам; заскулив от невыносимой боли, парень попытался закрыть лицо руками. Он отчаянно забился в их руках, хрипя скрежещущим голосом:

— Пустите... Пустите меня!

— Довольно прохлаждаться, скотина! А ну марш за работу! — Оскалившийся задира с размаху пнул его в живот. — Ишь, повадился сбегать! Возомнил себя важной птицей, нищий урод?

Последним из подворотни неторопливо вышел их предводитель — молодой господин Чжан. Он на ходу брезгливо заправлял полы дорогой шелковой рубахи в штаны. Спесиво вскинув подбородок, он подошел к лежащему юноше и с силой наступил ему сапогом прямо на лицо:

— Мой отец говорил, что твоя семейка веками охраняла древние гробницы. У вас точно припрятана куча золота и сокровищ! Живо веди нас туда, ублюдок, не то до конца недели будешь жрать только помой вместе со свиньями!

Подросток лишь крепче стиснул зубы, не издав ни звука.

От такой дерзости у молодого господина Чжана глаза на лоб полезли:

— Ах ты тварь упрямая! Забить его!

Слуги тут же принялись нещадно пинать несчастного тяжелыми башмаками. Прохожие стыдливо отводили взгляды и спешили поскорее убраться подальше: связываться с семьей Чжан, гордившейся своими заклинательскими корнями, никто не желал себе дороже. Все предпочитали делать вид, будто их это не касается.

Разъяренный молчанием жертвы, молодой господин Чжан с силой пнул юношу по голове. Но стоило ему замахнуть для очередного удара, как из глубины переулка со свистом вылетела простая деревянная сабля и с глухим треском обрушилась прямо на его затылок.

Изнеженный барчук отродясь не получал побоев, а столь мощный удар и вовсе заставил его покачнуться от подступившей дурноты. Зажав ушибленное место руками, он взвыл от ярости:

— Какая мразь посмела поднять на меня руку?! Смерти захотел, ублюдок?!

Он резко обернулся, багровея от злости, но натолкнулся лишь на безмятежный взгляд Сун Цимина. Тот стоял неподалеку, вертя в руках точно такую же неказистую деревянную палку, и обезоруживающе улыбался. У молодого господина Чжана от такой наглости задержалось веко.

— Чего застыли, идиоты?! Забейте этого ублюдка до полусмерти!

Семеро слуг, издав яростный клич, толпой ринулись на даоса. Однако не прошло и пары вдохов, как все они уже валялись в пыли. Сун Цимин раскидал их ленивыми, но идеально выверенными движениями — пара точечных ударов, подсечка, и вот уже банда громил катается по земле, держась за сломанные ребра и истошно воя от боли.

В своей прошлой жизни Сун Цимин верховодил уличными бандами и повидал немало дерзких юнцов. Когда-то он слыл грозой переулков, за ним табунами бегали девицы, а уж усмирять подобных заносчивых барчуков для него было плевым делом. Таких дураков лечит только хорошая трепка.

Легким щелчком отправив деревянный клинок в воздух, он перехватил рукоять и нацелил острие прямо между глаз оцепеневшего молодого господина Чжана. Поток воздуха, сорвавшийся с кончика импровизированного оружия, больно хлестнул парня по лицу. Тот застыл соляным столпом, растеряв весь свой пафос, и заикаясь выдавил:

— Т-ты... ты кто такой вообще?! Какого черта лезешь не в свое дело?!

Цимин небрежно опустил меч, закинув его обратно на плечо, и насмешливо осклабился:

— Чего ты заикаешься, юноша? Никаких манер.

— Да я... Да ты... Да я отцу все расскажу, он вас в порошок сотрет! — выкрикнул испуганный барчук и, высоко задирая полы халата, припустил прочь по переулку так, что только пятки

сверкали.

[Внимание: обнаружена ключевая цель сюжета — Шэнь Цзибай.]

Прочитав всплывшее уведомление, Сун Цимин опустил взгляд на скорчившегося у его ног мальчишку. Он присел перед ним на корточки и осторожно протянул руку, желая осмотреть разбитый лоб. Подросток тут же сжался еще сильнее, затрепетав всем телом, словно загнанный в угол дикий зверек.

Сун Цимин мягко убрал ладонь. Видя, до какого плачевного состояния довели бедного парня эти стервятники, он невольно почувствовал искреннюю жалость.

— Эй, тише, малец. Не бойся. Я тебя не обижу.

Юноша медленно приоткрыл глаза. Сквозь слепящую пелену солнечного света он разглядел лицо незнакомца в чистом белом халате, который понимающе улыбался ему. Замерев на пару секунд, Шэнь Цзибай с трудом поднялся, опустился на колени и низко склонил голову, коснувшись лбом пыльной земли:

— Благодарю за спасение, господин.

Лицо мальчишки покрывала корка из засохшей грязи и запекшейся крови, глубокий шрам уродливо кривил бледную кожу, а взгляд оставался безжизненным. Голос его звучал на редкость хрипло и слабо. Цимин нахмурился: если оставить мальчишку здесь, эти ублюдки рано или поздно просто забьют его до смерти или сделают калекой.

— Как звать-то тебя? — поинтересовался Сун Цимин.

— Шэнь Цзибай, — еле слышно выдохнул тот.

Цимин проявил недюжинное терпение. Не меняя позы, он тепло усмехнулся:

— Ну что, Шэнь Цзибай. Раз уж судьба свела нас в этом Богом забытом месте, не хочешь пойти ко мне в ученики? Будешь сыт, одет и в обиду никто не даст. Что скажешь?

На удивление, лицо парня даже не дрогнуло. Он ответил пугающе ровным тоном:

— Тот работорговец, который сунул мне связку засахаренных ягод на ярмарке, говорил слово в слово то же самое.

— И что же? — приподнял бровь Цимин.

— Я не поверил. Тогда он просто ударил меня камнем по голове и продал семейству Чжан.

Сун Цимин неловко кашлянул в кулак:

— Ну... кхм, я-то точно не работороговец. Да и палок с конфетами тебе не предлагал. Я же говорю — зла тебе не желаю.

Опершись ладонями о колени, Шэнь Цзибай с трудом поднялся на ноги. Он бросил на даоса короткий, лишенный всяких иллюзий взгляд:

— Все негодяи начинают с этих слов.

Развернувшись, он медленно побрел прочь, волоча ноги.

— Эх, тяжелые пошли времена. Нынче даже сопливого мальчишку так просто вокруг пальца не обведешь, — разочарованно вздохнул Цимин.

[Внимание: попытка вербовки провалена. Основной квест не выполнен. Пожалуйста, попробуйте еще раз.]

Сун Цимин почувствовал, как у него дергаются уже оба века. Не выдержав, он мысленно взрычался.

«Да пошла ты! Что за идиотские задания ты мне вечно подсовываешь? Мы что, в симулятор свиданий играем, чтобы я тут чужую благосклонность выпрашивал?!»

[Вы абсолютно правы. С момента активации связи с главным героем запускается режим долгосрочного воспитания. Первым шагом является его официальное вступление в орден Цисинь в качестве вашего личного преемника.]

Сун Цимин на секунду засомневался в собственном рассудке.

«Погоди... Какое еще воспитание?! Разве по сюжету книги его наставником не должен стать старик Лу?! С какой стати я должен возиться с пацаном? Если уж заставляешь меня кого-то опекать, могла бы подкинуть милую послушную ученицу!»

[Система временно недоступна для ответа.]

Игравшие неподалеку у раскидистого дерева дети со страхом наблюдали за странным даосом. Тот сначала яростно метался из стороны в сторону, размахивая руками и выкрикивая ругательства в пустоту, а затем резко развернулся и с размаху впечатал кулак в каменную

стену лачуги. Раздался оглушительный треск, и в прочной кладке образовалась сквозная дыра.

Детвора с визгом бросилась врассыпную:

— Мама, мамочка, спаси! Там бешеный демон ломает дома!

Сун Цимин уныло подул на покрасневшие костяшки пальцев, с которых поднималась легкая струйка пара.

«Ладно. Пойдем найдем торговца сладостями»

[Уточните цель приобретения засахаренных ягод.]

«Буду детей воровать»

<http://bllate.org/book/20145/2111714>